

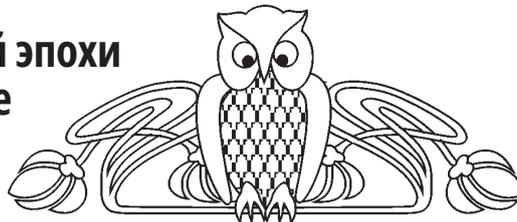

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2023. Т. 23, вып. 1. С. 35–39
Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy, 2023, vol. 23, iss. 1, pp. 35–39
<https://phpp.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1819-7671-2023-23-1-35-39>, EDN: RISFMI

Научная статья
УДК 101.1:316

Ностальгия по СССР: образы советской эпохи в медийной и политической практике современной России

А. А. Цельковский

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Цельковский Алексей Андреевич, кандидат философских наук, старший научный сотрудник учебно-научной лаборатории «ЦИФРА», alts1085@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2442-5463>

Аннотация. Введение. Актуальность темы исследования обусловлена возросшей ролью советского исторического наследия в современной социально-политической практике. Образы, связанные с советским периодом отечественной истории, довольно активно эксплуатируются политическим и медийным дискурсом. **Теоретический анализ.** В основу исследования положена гипотеза о том, что механизм влияния советского прошлого на политическую и медийную практику раскрывается посредством социального феномена ностальгии. Феномен ностальгии рассматривается в двух своих типах: рефлексивном и реставрирующем. Предметом исследования становятся образы советской эпохи, продуцируемые мифотворческой практикой, а также значение данных ностальгических мифологических образов. **Заключение.** Проведенный теоретический анализ позволяет сделать вывод о том, что рефлексивный тип ностальгии характерен для медийной практики, реставрирующий тип – для политической. Рефлексивная ностальгия проявляется не столько в переосмыслении прошлого, сколько в конструировании мифологических образов советской эпохи. Реставрирующая ностальгия пытается вернуть в политический дискурс наиболее значимые символы, адаптировав их под конъюнктурные политические цели. Поскольку данные мифологические образы занимают одно из центральных мест, они могут стать действенным способом преодоления различных кризисных явлений.

Ключевые слова: ностальгия, медиапрактика, мифотворчество, политический миф, СССР

Благодарности: Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда проект № 22-18-00153 «Образ СССР в исторической памяти: исследование медиастратегий воспроизводства представлений о прошлом в России и зарубежных странах».

Для цитирования: Цельковский А. А. Ностальгия по СССР: образы советской эпохи в медийной и политической практике современной России // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2023. Т. 23, вып. 1. С. 35–39. <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2023-23-1-35-39>, EDN: RISFMI

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Nostalgia for the USSR: Images of the Soviet era in the media and political practice of modern Russia

A. A. Tselykovsky

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Aleksey A. Tselykovsky, alts1085@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2442-5463>

Abstract. Introduction. The relevance of the topic of research is due to the increased role of the Soviet historical legacy in modern socio-political practice. The images associated with the Soviet period of national history are quite actively exploited by modern political and media discourse. **Theoretical analysis.** The research is based on the hypothesis that the mechanism of influence of the Soviet past on political and media practice is revealed through the social phenomenon of nostalgia. At the same time, the phenomenon of nostalgia is considered in its two types: reflexive and restorative. The subject of the study is the images of the Soviet era, produced by the myth-making practice, as well as the role and meaning of these nostalgic mythological images. **Conclusion.** The carried out theoretical analysis leads to the conclusion that the reflexive type of nostalgia is characteristic for media practice, the restorative type – for political practice. Reflexive nostalgia manifests itself not so much in the reinterpretation of the past as in the construction of certain mythological images that contribute to a safer perception of the past. Restorative nostalgia attempts to return the most significant symbols to political discourse, adapting them to suit opportunistic political goals. Since these mythological images occupy a central place, they can become an effective way to overcome various crisis phenomena.

Keywords: nostalgia, mediapractice, myth-making, political myth, USSR

Acknowledgements: The reported study was funded by RSF, project No. 22-18-00153 “The Image of the USSR in Historical Memory: A Study of Media Strategies for Reproducing Representations of the Past in Russia and Foreign Countries”.

For citation: Tselykovsky A. A. Nostalgia for the USSR: Images of the Soviet era in the media and political practice of modern Russia. *Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2023, vol. 23, iss. 1, pp. 35–39 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2023-23-1-35-39>, EDN: RISFMI

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

В условиях усиливающейся конфронтации России со странами Запада, сопровождающейся информационными войнами, проблема духовных и ценностных основ Российского государства приобретает особое значение. В этой связи довольно любопытным представляется факт обращения современной мифотворческой практики к советской эпохе. Пытаясь выстроить новый ценностный и идеологический фундамент Российского государства, политическая элита все активнее использует советское наследие. Образы советского прошлого приобретают все большее значение в политическом и медийном дискурсах. Необходимо отметить, что речь в данном случае идет не только о навязанных сверху идеологических трендах, но и о ностальгических настроениях по советскому прошлому со стороны значительной части общества. Понятие «ностальгия», на наш взгляд, довольно точно раскрывает специфику восприятия советской эпохи общественным сознанием, а также особенности ее репрезентации в медийной и политической практике. Таким образом, в число основных задач данного исследования входит анализ специфики образа СССР, создаваемого медийной и политической практикой, а также роли ностальгических мифов в современном российском общественном сознании.

Теоретический анализ

Природа современного мифа и его социальных функций довольно подробно изучена в трудах разных исследователей (Дж. Кэмпбелл, М. Элиаде, Э. Кассирер, Р. Барт, К. Хьюбнер, К. Флад и др.). Современное мифотворчество можно определить как конструирование социальных и политических мифов, т. е. как процесс интерпретации каких-либо явлений и событий в соответствии с устойчивыми мифологическими символами и образами. Главная функция современного мифа заключается в смыслообразовании, в трансляции социального опыта и исторической памяти. К примеру, Э. Я. Баталов так пишет о функциях мифа: «Он формирует у членов той или иной общности представление об общей исторической судьбе; сплачивает вокруг общих ценностей и целей – подлинных или мнимых» [1, с. 37]. Транслируемые современным

мифом смыслы и ценности становятся для общественного сознания ориентирами в пространстве социальной реальности.

Для дальнейшего исследования необходимо подробнее остановиться на том, что представляет собой ностальгия как социальный феномен. Русско-американская исследовательница С. Бойм относительно понятия «ностальгия» писала: «Понятие происходит от двух греческих корней, *nostos* и *algia*, буквально означая “тоску по дому”; часто это тоска по метафорическому дому» [2, с. 118]. Тенденция к пробуждению ностальгических настроений отчетливо проявляется в кризисные переходные периоды, когда процессы мифотворчества особенно сильны. Общественное сознание, продуцируя разного рода ностальгические мифы, пытается обрести опору в настоящем через переосмысление прошлого. Однако в данном случае под «переосмыслением» понимается не рациональная рефлексия, а конструирование идеализированных и мифологизированных образов прошлого, помогающих ориентироваться в настоящем. То есть социальный феномен ностальгии вполне можно рассматривать как одну из разновидностей мифотворчества.

С одной стороны, ностальгия присутствует в общественном сознании на повседневном уровне, с другой – в официальном политическом дискурсе как элемент идеологической практики. С. Бойм выделяла ностальгические мотивы двух типов: реставрирующую и рефлексивную ностальгии. Она отмечала, что реставрирующая ностальгия проявляется в реконструкции прошлого, рефлексивная реализуется в эмоциональном и мысленном возвращении к прошедшей эпохе.

Рефлексивная ностальгия не пытается восстановить утраченное мифологическое прошлое. По словам С. Бойм, она может проявляться в иронической, критической и даже осуждающей манере. Образ прошлого как объекта рефлексивной ностальгии становится материалом для переосмысления и может получать разнообразные трактовки.

Тенденцию к формированию рефлексивной ностальгии мы рассмотрим на примере различных телевизионных проектов, посвященных советской эпохе в целом и завершающему этапу существования СССР. Выбор был обусловлен разной идейной направленностью данных про-

ектов, позволяющей увидеть, что рефлексировавшей ностальгии может быть свойственна как позитивная (снижающая травматический исторический опыт) тональность, так и тональность, концентрирующая внимание на травматическом историческом опыте.

Типичным примером рефлексировавшей ностальгии является проект Л. Парфенова «Намедни. Наша эра». Прежде всего следует обратить внимание на выбранный Л. Парфеновым язык повествования. Материал излагается в легкой, иногда иронической манере. Необходимо отметить, что С. Бойм также называла рефлексировавший тип ностальгии ироническим. Ирония позволяет прорабатывать исторические травмы, снижая их негативное влияние в настоящем и способствуя тем самым более безопасному восприятию прошлого.

Представляет интерес и ракурс рассмотрения знаковых политических событий и персонажей советской эпохи. Взгляд направлен со стороны обывателя, обусловлен его повседневной жизнью. Как замечает по этому поводу Д. В. Блышко, «Каждая серия проекта рассказывает об одном из годов описываемой эпохи, о главных политических, экономических, спортивных событиях в жизни страны, тенденциях моды – всем том, что должно было попадать в поле зрения обывателей...» [3, с. 126]. Данные особенности создают эффект вовлеченности и причастности зрителя к описываемым событиям. Образ СССР в проектах Л. Парфенова сформирован с точки зрения «простого» советского человека. При этом подчеркивается влияние советской эпохи на современность. Об этом свидетельствует заглавный слоган проекта «События, люди, явления, определившие образ жизни. То, без чего нас невозможно представить, ещё труднее – понять».

В качестве еще одного примера можно привести цикл документальных передач «Исторические хроники с Николаем Сванидзе». В отличие от проекта Л. Парфенова, передачам Н. Сванидзе свойствен серьезный тон изложения материала. Каждая серия цикла посвящена событиям одного года и имеет главного героя – политика или общественного деятеля. Акцент делается на ключевых исторических событиях и персонажах. При этом советские обыватели смещены на периферию внимания. Подобная особенность подачи материала отвечает серьезному, не развлекательному тону проекта.

В данных проектах события советской эпохи рассматриваются под разными углами зрения, но тем не менее оба проекта можно отнести к рефлексировающему типу ностальгии. Рассматри-

вая советскую эпоху (на государственном или повседневном уровне), оба проекта пытаются выявить предпосылки формирования советской идентичности и степень ее проявленности в современном общественном сознании.

Важно отметить появление и активное распространение на российском телевидении темы распада СССР. В 2013 г. на телеканале Россия 24 вышел многосерийный документальный телепроект Д. Киселева «СССР. Крушение». Проект формирует образ СССР как сильного государства с мощной армией, развитой экономикой и огромным мировым влиянием. Его распад в проекте Д. Киселева трактуется как историческая катастрофа, произошедшая в результате деятельности враждебных внутренних и внешних сил.

В том же году на телеканале НТВ был реализован проект А. Пивоварова «Гибель империи. Почему развалился СССР». Тон проекта А. Пивоварова отличается от тона проекта Д. Киселева. Процесс распада СССР в трактовке А. Пивоварова стал следствием комплекса различных внутренних проблем, главная из которых заключалась в некомпетентности советской политической элиты.

Помимо упомянутых телепроектов, тема распада СССР поднималась в телепередачах В. Соловьева, А. Караулова, А. Пушкина и др. А. А. Линченко, анализируя массив телепередач, посвященных распаду СССР, приходит к выводу о наличии у них общей идейной направленности, которую он раскрывает с помощью понятия «культурная травма». Относительно смыслового наполнения телепроектов подобного рода исследователь отмечает, что «особенности интерпретации событий, связанных с распадом СССР, в данных проектах способствуют скорее воспроизводству травматического исторического опыта, чем его преодолению и рационализации» [4, с. 119–120]. Независимо от того, какие факторы приводятся в качестве причин крушения СССР, сам факт его крушения интерпретируется как катастрофическое событие, как утрата великой страны. Рефлектирующая ностальгия в данном случае проявляется в травмирующем восприятии распада СССР.

Таким образом, в современной России для медиапрактики характерен рефлексировавший тип ностальгии. Советская эпоха в телевизионных медиапроектах, несмотря на обозначенные выше различия, преподносится как период с неоднозначной и сложной, но, бесспорно, великой историей. При этом подчеркивается огромное влияние советской эпохи на современность.

Реставрирующая ностальгия пытается восстановить утраченное мифологическое про-

шное. Под мифологическим прошлым в данном случае подразумеваются мифологические и символические конструкты, репрезентующие образ прошлого в современных реалиях. Это идеализированный образ, чье смысловое наполнение зависит от современной конъюнктуры. Реставрирующий тип ностальгии характерен для политической практики.

Признаки реставрирующей ностальгии становятся заметны уже в середине 1990-х гг. Однако данный тип ностальгии характерен лишь для части общества, а не для новой политической элиты, проводившей политику десоветизации. Отказ от советского прошлого и установление символической преемственности с дореволюционной Россией для политической элиты 1990-х гг. стали важными элементами легитимации. Данная тенденция проявилась в идеализации и романтизации дореволюционной России и, наоборот, – критике советского социально-политического устройства. Однако в условиях утраты устоявшегося и привычного образа повседневной жизни, кардинальной смены духовно-нравственных ориентиров, экономической и политической нестабильности у значительной части населения усиливается рост ностальгии по советской эпохе.

С приходом к власти В. В. Путина российская мифотворческая практика начинает все активнее обращаться к советскому периоду истории. К примеру, Т. В. Евгеньева, А. В. Селезнева выделяют три этапа в отношении к СССР. Первый этап – 1990-е гг. Как замечают исследователи, «в этот период не только представители власти и различных демократических партий и движений, но и обычные граждане с большим энтузиазмом стремились уничтожить все, напоминавшее об СССР...» [5, с. 28–29]. Второй этап связан с началом 2000-х гг. и характеризуется, по мысли авторов, «фрагментарным интересом» к советскому прошлому. В 2010-х гг. наступает третий этап, связанный с «системно-функциональной актуализацией» символов и образов советской истории.

Одним из первых шагов к включению советского наследия в социально-политическую и мифотворческую практику стало принятие в 2000 г. нового гимна России, сохранившего мелодию гимна СССР. То есть в начале 2000-х г. для новой властной элиты характерно стремление выстроить единую непрерывную линию исторического развития России. Как замечают по этому поводу российские исследователи, «смысловым стержнем нового официального нарратива стала проецируемая на всю “тысячелетнюю историю” России идея великодержавности» [6, с. 133].

В дальнейшем происходит еще более активное обращение к советскому периоду, особенно к Великой Отечественной войне, которая для современной России стала одним из самых значимых символов. Как замечает по этому поводу Н. Копосов, «миф о войне стал настоящим мифом происхождения постсоветской России» [7, с. 163]. Идеологическим основанием современной России как великого государства становится именно Великая Отечественная война.

Посредством внедрения данного мифа политическая элита решает ряд практических задач. Помимо формирования чувства идентичности, этот ностальгический миф способствует сплоченности и социальной мобилизации. Р. Э. Бараш замечает, что в условиях возврата к политике изоляционизма и конфронтации со странами Запада ностальгический военный миф используется не только для легитимации нового политического курса, но «и для социально-политической “вертикализации” общества» [8, с. 137].

Заключение

Проведенное исследование позволяет сформулировать ряд выводов. Прежде всего необходимо отметить, что в современной российской мифотворческой практике образы, связанные с советской эпохой, занимают одно из центральных мест. Специфику влияния образов советского прошлого можно раскрыть посредством социального феномена ностальгии.

Для политической практики характерен реставрирующий тип ностальгии (включение образов и символов советской истории в политический дискурс). Для политической практики реставрирующие ностальгические мифы являются одним из системообразующих элементов, выполняющих функции идеологической основы политической системы. Медийной практике в большей степени свойственен рефлексивный тип ностальгии. Советская эпоха предстает в медиасфере как неоднозначный, но великий период российской истории, во многом предопределивший современные российские реалии.

Описание современной мифотворческой практики с помощью концепта ностальгии позволяет по-новому взглянуть на политическую и медийную сферы и выявить свойственные им основные тренды. Актуализация и присутствие образов советского прошлого в политической и медийной практике свидетельствуют о наличии непроработанных исторических травм, связанных с распадом СССР и крушением всего проекта построения коммунистического государства.

Кроме того, активное обращение к образам советской эпохи свидетельствует о духовном кризисе, о попытке обрести духовную, идейную и ценностную опору в советском прошлом.

Практическая значимость изучения специфики мифотворческой практики заключается в получении действенного инструментария для преодоления исторических травм и кризисных явлений. Миф может выполнять как положительные функции (проработка исторических травм, формирование смысловых и ценностных ориентиров), так и негативные (воспроизводство и усиление травматического исторического опыта). В этой связи ностальгические мифы по советскому прошлому могут стать действенным способом проработки травмирующих исторических событий и их преодоления, а также воспроизводства и трансляции положительных мобилизирующих образов прошлого.

Список литературы

1. Баталов Э. Я. Русская идея и американская мечта. М. : Прогресс-Традиция, 2009. 348 с.
2. Бойм С. Будущее ностальгии // Неприкосновенный запас: дебаты о политике и культуре. 2013. № 3. С. 116–132.
3. Блышко Д. В. Социальная структура общества позднего социализма в российских документальных телепроектах: герои и обыватели // Труды Карельского научного центра РАН. 2013. № 4. С. 124–128.
4. Линченко А. А. «Распад СССР»: этапы и стратегии конструирования культурной травмы в медийном дискурсе современной России // Социодинамика. 2019. № 1. С. 108–121.
5. Евгеньева Т. В., Селезнева А. В. Советское прошлое в ценностном и образно-символическом пространстве российской идентичности // Полис. Политические исследования. 2016. № 3. С. 25–39.
6. Ефременко Д. В., Малинова О. Ю., Миллер А. И. Политика памяти и историческая наука // Российская история. 2018. № 5. С. 128–140.
7. Копосов Н. Память строгого режима: История и политика в России. М. : Новое литературное обозрение, 2011. 320 с.
8. Бараш Р. Э. О некоторых причинах «советской» ностальгии и особенностях исторической памяти россиян о советском периоде // Социологическая наука и социальная практика. 2017. № 4. С. 124–151.

References

1. Batalov E. Ya. *Russkaya ideya i amerikanskaya mehta* [The Russian Idea and the American Dream]. Moscow, Progress-Tradition Publ., 2009. 348 p. (in Russian).
2. Boym S. The Future of nostalgia. *Neprikosnovennyuy zapas* [NZ: Debates on Politics and Culture], 2013, no. 3, pp. 116–132 (in Russian).
3. Blyshko D. V. The Social structure of late socialist society in Russian documentary television projects: Heroes and philistines. *Trudy Karel'skogo nauchnogo tsentra RAN* [Proceedings of the Karelian Research Center of the Russian Academy of Sciences], 2013, no. 4, pp. 124–128 (in Russian).
4. Linchenko A. A. "The collapse of the USSR": Stages and strategies of constructing cultural trauma in the media discourse of modern Russia. *Sotsiodinamika* [Sotsiodynamics], 2019, no. 1, pp. 108–121 (in Russian).
5. Evgeneva T. V., Selezneva A. V. The soviet past in the value and image-symbolic space of Russian identity. *Polis. Politicheskie issledovaniya* [Polis. Policy Studies], 2016, no. 3, pp. 25–39 (in Russian).
6. Efremenko D. V., Malinova O. Yu., Miller A. I. The politics of memory and historical science. *Rossiyskaya istoriya* [Russian History], 2018, no. 5, pp. 128–140 (in Russian).
7. Kuposov N. *Pamyat' strogogo rezhima: Istoriya i politika v Rossii* [Strict Regime Memory: History and Politics in Russia]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2011. 320 p. (in Russian).
8. Barash R. E. On some causes of "Soviet" nostalgia and peculiarities of the historical memory of the Russians of the Soviet period. *Sotsiologicheskaya nauka i sotsial'naya praktika* [Sociological Science and Social Practice], 2017, no. 4, pp. 124–151 (in Russian).

Поступила в редакцию 28.09.2022; одобрена после рецензирования 10.12.2022; принята к публикации 11.01.2023
The article was submitted 28.09.2022; approved after reviewing 10.12.2022; accepted for publication 11.01.2023